

ОПОРНЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВУЗЫ: ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕЛЕВЫХ ОРИЕНТИРОВ И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ¹

КОРЫТЦЕВ МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор экономических наук,
старший научный сотрудник
лаборатории «Институциональный анализ экономики»,
профессор экономического факультета
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: mkorytcev@sfedu.ru

Становление цифровой экономики наряду с усилением глобальной конкурентоспособности, формированием и реализацией форсированной национальной мобилизационной стратегии развития и набором управленческих технологий, предлагаемых в идеологическом контексте «нового менеджеризма» в современном общественном секторе, формируют набор значимых факторов, определяющих вектор развития высшего образования в Российской Федерации. Опорные вузы в регионах страны, формируемые в рамках современной образовательной реформы, призваны стать значимым системным звеном, способным активно участвовать в реализации стратегических государственных задач, в том числе способствовать активному развитию цифровой экономики страны. Анализ программных документов, подготовленных опорными вузами Юга России в процессе их создания и становления (2015–2017 гг.), позволил сделать вывод не только о неравномерности степени их подготовки к реализации подобной масштабной задачи, но и о наличии ряда значимых недостатков и проблем, препятствующих ее выполнению. Их устранение потребует нетривиальных подходов и решений в рамках государственной политики модернизации образовательной сферы, масштабного финансирования со стороны государства, что должно позволить реанимировать и обеспечить создание новых структурных подразделений – центров обучения профессиональным компетенциям, востребованным в цифровой экономике.

Ключевые слова: опорные вузы; цифровая экономика; новый менеджеризм; эффективность; стратегии развития.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России № 26.6124.2017/8.9 «Идентификация институтов и организационных механизмов слияния вузов в контексте социально-экономического развития региона».

FLAGSHIP REGIONAL UNIVERSITIES: FRAMING OF THE GOALS AND DEVELOPMENT STRATEGIES IN CONTEXT OF DIGITAL ECONOMY

MAKSIM A. KORYTTSEV,

*Doctor of Economics Science,
Senior researcher,
Professor of Economic Faculty
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: mkorytcev@sfnu.ru*

The article studies the processes related to the flagship universities of the South Russia in context of the modern digital economy. Last one is the one of the general factors, like mobilization government strategy, the ideology and some instruments of new public management (new managerialism), geo-economic and geo-politic competition which determine specific features of modern reforms in public sector i.e. in educational sphere. The flagship universities are expected to become one of the key element in reforming higher education to stimulate the processes of development of the digital economy. Our analysis of the programs of South Russian flagship universities allowed identifying as the unevenness of their possibilities in progress of digital skills as their weaknesses and problems in this sphere. The decisions of these problems require non-trivial approach in government policy in higher education, its financial resources for reanimation and forming new structures – the centers of education of new competency and skills for the digital economy.

Keywords: *flagship universities; digital economy; new managerialism (new public management); efficiency; development strategies.*

JEL: H44, I21, I23, I28

1. Факторы, определяющие развитие системы высшего образования в РФ

Современные институциональные реформы в сфере отечественного высшего образования России, включающие в себя развитие новых сегментов учреждений высшего образования, таких как опорные университеты, их особенности и направления реализации, предопределяются рядом факторов, приобретающих в современной экономической и политической обстановке императивный характер. В этой связи общие теоретические рамки исследования этого вопроса в контексте теории институциональных изменений, предлагаемые отдельными авторами (Маскаев, Савко и Оганесян, 2017), на наш взгляд, необходимо конкретизировать посредством характеристики наиболее значимых факторов, задающих вектор исследуемых изменений, равно как и процессов социально-экономического развития в целом. К числу подобных значимых факторов, определяющих основные тренды развития системы высшего образования в РФ, можно отнести следующие:

1) масштабные технологические сдвиги, определяемые в современном мире, прежде всего в контексте цифровизации экономики и социума, все более глубоким проникновением информационных технологий в сферы производства, управления, бытовую жизнь подавляющей части населения планеты. Это приводит к масштабной качественной трансформации общества, предъявляет принципиально новые требования к системе образования;

2) обострение геоэкономической и геополитической конкуренции в современном мире, проявляющейся, в том числе в росте международной политической напряженности

и конфронтации, распространении различных форм санкционного давления, усилении борьбы за контроль над материальными, финансовыми, информационными, интеллектуальными ресурсами, стремлении усилить собственные интернациональные и региональные конкурентные позиции в изменяющемся мире. М. Гречко (2017) определяет в конечном счете характеризуемую ситуацию в этой связи как императив обеспечения глобальной конкурентоспособности национальной экономики;

3) в социально-экономической политике современной России в последние годы все более отчетливо проявляется сценарий мобилизационного развития. Это определяется как возникающими перед страной глобальными вызовами, так и попыткой государства консолидировать активную часть общества, элиты и ресурсы для достойного на них ответа, в том числе и потому, что государство продолжает играть значимую роль в экономической жизни страны. Важно также отметить, что мобилизационный сценарий развития вполне может рассматриваться как значимый элемент, традиционный для российской институциональной матрицы функционирования хозяйства и социума (Шанталов, 2003). Само по себе это делает предсказуемым обращение государства к подобного рода управленческим механизмам в связи с встающими перед страной вызовами и задачами развития. В настоящее время в России начали реализовываться национальные проекты, охватывающие различные сегменты формирующейся цифровой экономики и затрагивающие сферу высшего образования. В прошедшее десятилетие в рамках той же образовательной системы происходили масштабные реструктуризации среди субъектов системы высшего образования, выразившиеся в формировании, например, таких особых групп учебных заведений, как федеральные, исследовательские и опорные университеты;

4) в последние десятилетия система высшего образования, как и значительная часть отраслей общественного сектора развитых и многих развивающихся стран, претерпевает масштабную трансформацию, выражающуюся в серии реформ, реализуемых в контексте новой управленческой идеологии и набора управленческих технологий, получивших общее определение как New Public Management (NPM), или «новый менеджизм» (Deem and Brehony, 2005; Thornton, 2016; Ле Гранд, 2011; Тамбовцев и Рождественская, 2016). К обобщающим характеристикам последнего следует, в свою очередь, отнести:

- использование управленческих технологий, традиционных для коммерческого сектора, с ориентацией на рыночный спрос (например, бюджетирование, «управление по результатам» и др. (Родонкова и Слепов, 2009));
- применение специальных, в том числе рейтинговых, показателей для оценки эффективности функционирования организаций общественного сектора, которые определяют часто также и масштабы бюджетного или грантового финансирования этих организаций;
- стимулирование конкурентных отношений в различных отраслях общественного сектора, формирование так называемых квазирынков.

При этом многие авторы указывают на то, что институциональные преобразования в сфере высшего образования, вызванные активным применением здесь NPM, имеют свои серьезные побочные эффекты, связанные, например, с деградацией академической среды вузов (Колесникова, 2017). Отмечается также, что сама возможность оценки качества образования, как и многих качественных параметров услуг, предоставляемых различными отраслями общественного сектора вообще, с помощью количественных показателей часто не оправдана (Коллини, 2016). Не говоря уже о том, что образование обладает не только экономической, но и самостоятельной ценностью, позволяющей многим людям профессионально и личностно реализоваться. И ценность подобной реализации далеко не всегда возможно оценить именно в денежном эквиваленте. Кроме того, сами концепции общественных благ и общественного сектора экономики, содержательно определенные в первой половине и в середине прошлого столетия такими

классиками экономической науки, как К. Виксель, А. Пигу и П. Самуэльсон (*Цыренова, 2014*), достаточно ясно характеризуют специфику соответствующих секторов экономики, связанную с особенностями самих воспроизводимых здесь общественных и смешанных благ. Им (чаще в форме услуг) присущ коллективный характер предоставления, когда трудно дифференцировать среди получателей услуг плательщиков и неплательщиков. Также им присуща ярко выраженная информационная асимметричность между продавцами и покупателями, когда последним трудно проверить, особенно заранее, до потребления этих благ, качество приобретаемой продукции. В связи с этим подобные блага также часто характеризуют как «доверительные» блага, когда покупатели вынуждены доверять продавцу в вопросе качества предоставляемой им услуги, имея ограниченные возможности в определении того, каково будет ее качество. Это во многом справедливо и для сферы образования, особенно высшего образования. В рамках NPM административное руководство и политики пытаются компенсировать указанные специфические эффекты этих благ посредством повышения прозрачности работы учреждений, оценить эффективность их деятельности, стимулировать конкурентные отношения, которые, как предполагается, также стимулируют повышение качества предоставляемых услуг. Как уже указывалось ранее, данному подходу свойственны определенные несовершенства, число которых дополняется тем фактом, что часто сами по себе многочисленные показатели и отчетность, которая их отражает, не могут в значительной мере отразить качество оказываемых услуг по причине высоких издержек для организации в этих ситуациях действительно эффективного мониторинга. Поэтому разрыв между реальностью и отчетными данными, отраженными в рамках системы показателей эффективности, неизбежен. Кроме того, само применение систем такого мониторинга способно влиять и искажать результаты той же образовательной деятельности учреждений, когда само стремление соответствовать требуемым параметрам такого рода показателей может идти в ущерб иным параметрам качества предоставления данных образовательных услуг. А «простое и очевидное», казалось бы, для такой проблемы решение – увеличение числа показателей оценки эффективности с целью охватить еще больший спектр качественных характеристик, связанных с оказываемыми услугами, сопровождается за пределами ростом издержек мониторинга этой деятельности. При их сокращении качество мониторинга также неизбежно снижается, процесс профанируется. Причем к подобной профанации могут быть склонны не только работники, принуждаемые к участию в таком мониторинге, но и руководство, неспособное обеспечить подобный качественный мониторинг не в ущерб остальным аспектам деятельности таких учреждений.

С другой стороны, многими исследователями современное развитие цифровой экономики воспринимается как источник дополнительных возможностей для снижения издержек, в том числе для организации подобного мониторинга и контроля.

2. Цифровая экономика: содержательная характеристика

В свою очередь, сам феномен цифровой экономики, отражающий современные технологические сдвиги, получил на данный момент широкое распространение. На практике к использованию этого термина чаще обращаются европейские страны, тогда как в США более распространен термин API-экономика (Application Programming Interface) (*Саак, Тюшняков и Пахомов, 2017*). Многие развитые страны, отвечая на вызовы времени, разрабатывают и принимают стратегии развития цифровой экономики: например, в США – это «Индустриальный интернет» (Industrial Internet), Германии – «Индустрия 4.0» (Industrie 4.0), Китае – «Интернет плюс» (Internet Plus), Японии – «Стратегия новой роботизации» (New Robot Strategy), Эстонии – «Электронная Эстония» (e-Estonia), Сингапуре – «Умная нация» (Smart Nation), Великобритании – «Цифровая Британия» (Digital Britain), Индии – «Цифровая Индия» (Digital India), в Европейском союзе – «Цифровая Европа 2020» (Digital Europe 2020) (*Саак и др., 2017*).

В Российской Федерации Указом Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 была утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»², где, в частности, конкретизируется понятие «цифровой экономики». Под ней там понимается хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг.

Подробнее характеризуя содержание и структуру цифровой экономики, сошлемся на правительственную программу развития цифровой экономики Российской Федерации (утвержденную Распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1632-р)³, в рамках которой приводится характеристика трех уровней, где проявляется собственно цифровая экономика. Это:

- рынки и отрасли экономики (сферы деятельности), где осуществляется взаимодействие конкретных субъектов (поставщиков и потребителей товаров, работ и услуг);
- платформы и технологии, где формируются компетенции для развития рынков и отраслей экономики (сфер деятельности);
- среда, которая создает условия для развития платформ и технологий, эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики (сфер деятельности) и охватывает нормативное регулирование, информационную инфраструктуру, кадры и информационную безопасность.

При этом, в связи с тем что эффективное развитие рынков и отраслей (сфер деятельности) в цифровой экономике возможно только при наличии развитых платформ, технологий, институциональной и инфраструктурной сред, данная правительственная программа сфокусирована на двух нижних уровнях цифровой экономики – базовых направлениях, определяя цели и задачи развития:

- ключевых институтов, в рамках которых создаются условия для развития цифровой экономики (нормативное регулирование, кадры и образование, формирование исследовательских компетенций и технологических заделов);
- основных инфраструктурных элементов цифровой экономики (информационная инфраструктура, информационная безопасность).

Содержательно же в рамках данной программы выделяются следующие технологические направления развития цифровой экономики:

- большие данные;
- нейротехнологии и искусственный интеллект;
- системы распределенного реестра;
- квантовые технологии;
- новые производственные технологии;
- промышленный интернет;
- компоненты робототехники и сенсорики;
- технологии беспроводной связи;
- технологии виртуальной и дополненной реальностей.

Указанный перечень, как схожие описания, представленные в рамках ряда альтернативных исследований (*Аптекман, Калабин и Клинов, 2017*), содержательно близок, хотя и не полностью совпадает с перечнем подобных технологий, представленным в знаковых работах западных исследователей. Например, автор уже ставшей известной современной научной концепции четвертой промышленной революции К.

² Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «Об утверждении стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–

³ Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1632-р «Программа развития цифровой экономики в Российской Федерации».

Шваб совместно с Н. Дэвисом (*Шваб и Дэвис, 2018*) предлагают свою классификацию технологий подобного рода. Отметим, что условно их можно классифицировать с точки зрения их технологического соотношения с элементами цифровизации и использования современных информационных технологий двумя способами: определить группу технологий, для которых цифровое и информационное технологическое обеспечение является не просто способом воспроизводства соответствующих товаров и услуг, но самой средой их существования, в рамках которой реализуются их полезные свойства и функции, а также условия, когда указанная информационная составляющая обеспечивает, собственно, наряду с процессом воспроизводства само существование и функциональность товаров (услуг). Отнесем условно указанные технологии к первой группе, тогда как во вторую определим технологии, продукты которых хотя и производятся с активным участием цифровой и информационной составляющей, впоследствии имеют вполне автономное существование и использование за пределами информационного пространства, понимаемого в узком смысле слова как виртуальный информационный поток и пространство (сфера) хранения информации. К первой группе в этом случае могут быть отнесены такие технологии, как новые вычислительные технологии, блокчейн и технологии распределенного реестра, интернет вещей, искусственный интеллект и робототехника, аддитивное производство, виртуальная и дополненная реальность. Ко второй группе – передовые материалы, биотехнологии, нейротехнологии, получение, накопление и передача энергии, геоинженерия, передовые космические технологии.

Конечно, предложенная группировка в рамках отдельных позиций может представляться спорной, но подобный анализ тем не менее может иметь самостоятельную эвристическую ценность.

Особую значимость в рамках стратегии развития цифровой экономики в стране приобретает роль, отведенная сфере высшего образования. В упомянутой выше правительственной программе отмечается, что государство в рамках одного из двух направлений деятельности, способствующих развитию цифровой экономики, а именно «ключевых институтов, в рамках которых создаются условия для развития цифровой экономики», стремится обеспечить новое качество подготавливаемых кадров и образования в целом, соответствующее формирующейся цифровой экономике. Нам представляется, что система образования в этой связи должна трансформироваться в рамках трех ключевых направлений:

1) обеспечивать подготовку кадров в связи с развитием и широким распространением цифровых технологий, своевременно реагируя на трансформацию рынка труда;

2) трансформация самой образовательной системы должна происходить в рамках и в контексте активизации применения современных информационных технологий в образовании. Наиболее яркой иллюстрацией здесь служит развитие онлайн-образования, и на данный момент в России пока преобладает развитие дополнительного образования (*Бондарев и Зацитуна, 2017*), прежде всего, в коммерческом секторе в сравнении с собственно высшим образованием. Так, по итогам 2016 г. доля дополнительного профессионального образования в режиме онлайн-обучения составляла 6,7%, из них почти 20% обеспечивались частными вузами и иными частными образовательными организациями. Кроме того, на тот же период времени около 10 тыс. студентов получали высшее образование в РФ в рамках онлайн-обучения в негосударственных вузах, тогда как число обучающихся по программам высшего образования в государственных вузах составляло менее 2000 студентов (*Днепровская, 2018*);

3) развитие цифровых образовательных компетенций широкого круга специалистов, способствующих их активному участию в развивающейся цифровой экономике.

Здесь важно подчеркнуть, что еще в 2006 г. в ЕС приняты Европейские рекомендации о восьми ключевых компетенциях для XXI в. Цифровая компетенция признана одной из ключевых и определена следующим образом: «уверенность, критическое и творческое

использование ИКТ для достижения целей, связанных с работой, занятостью, обучением, отдыхом, участием в жизни общества и экономики цифровых компетенций» (Ковалёв, 2018). По версии ЕС, цифровые компетенции включают следующее:

1) информация: идентифицировать, определять местонахождение, загружать, хранить, систематизировать и анализировать цифровую информацию в зависимости от актуальности и цели;

2) коммуникация: обмен данными в цифровой среде, совместное использование ресурсов через интернет-инструменты, связь с другими людьми и сотрудничество с помощью цифровых средств, взаимодействие и участие в сообществах, межкультурное сознание;

3) content-создание: создание и редактирование нового контента (от обработки текстов до изображений и видео), интеграция и повторная разработка предыдущих знаний, производство медиа-материалов и программ, возможность иметь и применять права на интеллектуальную собственность и лицензии;

4) безопасность: средства индивидуальной защиты, защита данных, защита цифровой идентификации, меры безопасного и устойчивого использования информации;

5) решение проблем: определение цифровых потребностей и ресурсов, принятие осознанных решений о наиболее подходящих цифровых инструментах в соответствии с целью или необходимостью, решение концептуальных проблем с помощью цифровых средств, творческое использование технологий, решение технических проблем, обновление своих компетенций и компетенций других.

В этом контексте обучение цифровым компетенциям в рамках системы высшего образования также представляет собой перспективный задел конкретных вузов в сфере цифровой экономики (Гавриков, Певзнер и Петряков, 2018).

3. Программы развития опорных вузов Юга России в контексте цифровой экономики

В настоящей статье не ставится цель системного рассмотрения того, каким образом в целом будет происходить соответствующее реформирование в сфере высшего образования. Акцент здесь делается на отражение в стратегиях развития региональных южнороссийских опорных вузов целевых приоритетов, связанных со становлением цифровой экономики, и, соответственно, оценку степени их вовлеченности в процессы цифровизации в рамках собственных стратегий развития.

В целом формирование сегмента опорных вузов в рамках системы высшего образования Российской Федерации связано было с правительственными решениями 2015–2016 гг., направленными на создание крупных региональных вузов, играющих роль значимых образовательных, научных и инновационных центров в своих регионах, путем объединения групп региональных вузов. Данные программы создания и развития опорных вузов предполагали выделение на это государственных субсидий. К 2017 г. список опорных вузов был расширен до 33, в каждом из регионов РФ создавалось при этом не более одного подобного вуза, каждый из них получал статус университета вне зависимости от статуса, который имели объединяемые и преобразуемые в опорные университеты существовавшие до этого вузы.

Рассматривая список созданных опорных вузов, важно подчеркнуть, что значительная их часть (15 из 33) имеют технический или отраслевой характер, что автоматически указывает на ту значимую роль, которую призваны играть эти вузы в стратегии инновационного и технологического развития страны. Это должно быть отражено также и в усилении их роли в становлении цифровой экономики в стране, что должно получить отражение в подготовленных этими вузами стратегических документах развития.

Несколько иная ситуация в этом плане складывается в реальности в южнороссийском регионе. Из четырех созданных опорных вузов региона Донской и Волгоградский

государственные технические университеты (ДГТУ и ВолГТУ) в своем названии фиксируют свой технический профиль. Анализируя содержание программных стратегических документов региональных вузов, важно подчеркнуть, что в ДГТУ в значительной степени проработана цифровая составляющая образовательного процесса – прежде всего, в связи с организацией программ онлайн-образования. Документально планы развития в этой сфере оформились в виде подготовленной вузом специальной подпрограммы – стратегического проекта «Развитие единого открытого цифрового образовательного пространства Ростовской области», в рамках которого были собраны основные программные инициативы вуза, связанные с цифровой экономикой и организацией онлайн-образования, в частности. Начало реализации проекта – 2017 г. Данный проект предполагает развитие единого открытого цифрового образовательного пространства Ростовской области, которое самим вузом рассматривается как механизм его (вуза) взаимодействия со своей целевой аудиторией (образовательными организациями, органами исполнительной власти, бизнесом и жителями региона). При этом для достижения данной цели предполагается создание сети школьных и студенческих медиацентров как территориальных центров компетенций по работе с медиа и IT, развитию навыков предпринимательства, медийной грамотности, soft skills, организации их сетевого взаимодействия. На этой базе предполагается развертывание систем онлайн и офлайн-обучения, охват благодаря этому новых групп молодежи, в том числе в территориально удаленных частях региона. В качестве внешних участников проекта приглашены местные медиа, органы исполнительной власти региона.

На наш взгляд, важно особо отметить наличие цифрового образовательного контента, предложенного вузом в рамках данного проекта, объем которого уже составляет порядка 150 файлов образовательного содержания и 180 часов видеозаписей, что является неплохим показателем для первого года реализации проекта.

Из недостатков этого проекта стоит отметить сравнительно узкий спектр профессиональных компетенций, передаваемых в рамках данного проекта, которые ограничены преимущественно медийной и креативной индустриями, блогингом, педагогическими компетенциями. То есть содержательная связь с элементами производственной и промышленной составляющих цифровой экономики практически отсутствует, за исключением упоминания участия в проекте со стороны самого вуза созданного в нем «Центра робототехники», что подтверждает относительную слабость технологического задела вуза в области цифровых промышленных и производственных технологий в целом на данный момент.

Программные документы остальных созданных опорных вузов южнороссийского макрорегиона не содержат в отличие от ДГТУ специальной проектной составляющей, посвященной развитию цифровой экономики. Остановимся кратко на результатах их анализа.

Отличительной особенностью Волгоградского государственного технического университета (ВолГТУ) как опорного вуза, имеющего потенциал в сфере цифровой экономики, является серьезный технико-образовательный задел, связанный с обучением по таким программам, как «Информатика и вычислительная техника», «Машиностроение», «Химические технологии и биотехнологии», «Авиационная и ракетно-космическая техника», «Фотоника, приборостроение, оптические и биотехнические системы и технологии» и др. Представляется, что данный вуз из числа всех опорных вузов региона занимает лидирующие позиции относительно существующего технологического задела, связанного с цифровой экономикой, что, собственно, подтверждается формулировкой миссии и содержанием самой программы развития вуза. При этом формулировка стратегической цели развития вуза в той же программе подтверждает стремление руководства вуза укрепить свои позиции в макрорегионе в качестве образовательного и инжинирингового центра в области химической технологии, материаловедения, машиностроения, градостроительства, транспорта, природопользования и защиты окружающей среды; формирование

ресурсного центра поддержки инноваций. В технологическом плане вуз имеет реальные возможности развивать инновационный технологический задел в таком секторе цифровой экономики, как разработка новых перспективных материалов, а также имеет базовые профессиональные и педагогические компетенции для совершенствования образовательных программ в связи с подготовкой специалистов в целом ряде областей, сопряженных с цифровой экономикой: машиностроения, авиационной и ракетно-космической техники, информационных систем и др. Последнее, конечно, окажется возможным, если уровень технологических систем, изучаемых в рамках соответствующих образовательных программ, будет адекватен передовым разработкам в этой сфере. В свою очередь, это условие труднодостижимо, так как инженерное обучение на базе передовых технологий возможно, собственно, при доступе к указанным технологиям, которые либо разрабатываются указанным вузом, в том числе в партнерстве с иными учреждениями и предприятиями, либо используются в качестве производственного базиса на предприятиях региона, что обусловлено комплексом причин экономического характера, например, сотрудничеством с иностранными инвесторами, предлагающими собственный технологический задел, объемом прямых, в том числе иностранных, инвестиций в соответствующие предприятия. Хотя в рамках программы развития вуза прямо не заявлено о подобной проблеме устаревания технологического базиса и соответствующего снижения качества образовательных программ технического профиля, о ее наличии косвенно свидетельствуют следующие отмеченные в программе ограничения, связанные с состоянием кадрового потенциала и материально-технической базы вуза:

- «преобладание в составе ППС сотрудников возрастной группы 60 лет и более (в общей численности персонала это почти треть (более 28%), среди заведующих кафедрами – более 60%, среди профессоров – более 62%, более трети – доценты) и отсутствие системы кадрового резерва по ключевым направлениям деятельности университета;
- недостаточный уровень ресурсного обеспечения (материально-техническое обеспечение образовательного процесса и НИОКР; недостаток площади общежитий для дополнительного привлечения абитуриентов из других регионов и стран и т.д.)».

Таким образом, инновационный сценарий развития образовательного контента и в этом вузе сопряжен с обеспечением возможности кардинального обновления его ресурсной базы, что не является тривиальной задачей.

Программа развития Сочинского государственного университета однозначно характеризует ориентацию данного вуза как отраслевого, специализирующегося на программах подготовки в сферах сервиса, туризма и рекреации, что, естественно, связано со спецификой сочинской постолимпийской агломерации. Согласно программе развития данного вуза более 23% его учащихся получают высшее образование в рамках образовательных программ направления «Сервис и туризм». Полагаем, однако, что с учетом соответствующей специализации иных образовательных программ также имеет место тесное пересечение с соответствующей профилизацией вуза. Планируемый рост финансирования НИОКР в период до 2021 г. (примерно с 90 тыс. в 2017 г. до 150 тыс. руб. на одного НПП) содержательно также связан с планируемыми разработками в сферах туризма и рекреации. Значима роль этого вуза как одного из центров волонтерского движения страны. Большое внимание уделяется развитию профильных программ повышения квалификации и профессионального мастерства в рамках движения «World skills». Все это в итоге имеет слабое содержательное пересечение с процессами цифровизации экономики. Единственными явно тестируемыми элементами цифровой экономики в связи с образовательной и организационной деятельностью вуза являются планируемое расширение в ближайшие годы системы онлайн-обучения, заявленное в его программе развития, наряду с расширением использования других современных образовательных технологий, а также заявленное внедрение интерактивных технологий управления, обратной связи и взаимодействия при управлении вузом.

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова традиционно готовит специалистов по образовательным программам, ориентированным на потребности региональной экономики: аграрно-промышленного комплекса (животноводства), управленческих и педагогических кадров. Вузовская этнокультурологическая школа и связанные с ней языковедческая и востоковедческая школы имеют сильные позиции в макрорегионе, на этом фоне успешно развивается сотрудничество с российскими и зарубежными вузами. В программе вуза заявлены развитие форм дистанционного обучения и развития его инновационного потенциала, однако фактическое отсутствие конкретных целевых параметров развития этих направлений свидетельствует о слабом потенциале вуза и отсутствии ближайших перспектив его успешного вовлечения в процессы развития цифровой экономики.

Обобщим основные данные по количественным и качественным индикаторам и показателям региональных опорных вузов, связанным с цифровой экономикой, в приведенной таблице 1.

Таблица 1

Опорные вузы Юга России: некоторые показатели и направления деятельности⁴

Показатели	ДГТУ	ВолГТУ	СГУ	КалмГУ
Численность студентов (2016 г.)	19785	20853	2000 (2017 г.)	6845
Уровень НИОКР (на 1 НПР), тыс. руб. (2017 г.)	80 (2016 г.)	273,947 (2015 г.)	90	110
Ожидаемый уровень НИОКР (на 1 НПР), тыс. руб. (2021 г.)	155 (2020 г.)	-	150	210
Перспективные направления развития и виды образовательных программ в контексте цифровой экономики	Информационные технологии, потенциально – робототехника	Материаловедение, потенциально – машиностроение, авиастроение, космическая отрасль, информатика и др.	Отсутствуют	Отсутствуют
Оценка перспектив развития онлайн-образования в вузе	Реализация масштабных сетевых проектов в регионе с 2017 г.	Участие в проекте Темпус EQUASP («Онлайн-обеспечение качества образовательных программ»). Собственные проекты по развитию онлайн-образования отсутствуют	Декларация развития онлайн-обучения с заявленными количественными целевыми параметрами	Декларация развития дистанционного обучения с элементами онлайн-обучения
Наличие образовательных программ по информатике, информационным технологиям	Есть	Есть	Нет	Нет

⁴ Составлено автором на основании анализа докладов развития и иных официальных документов указанных вузов.

Приведенный в таблице набор индикаторов, возможно, может быть дополнен рядом других, например, информацией о динамике количества персональных компьютеров, находящихся в распоряжении вузов, как на это указывают некоторые авторы (*Иродов и Коречков, 2018*). Следует согласиться с тем, что в этом смысле дальнейшая работа над комплексной характеристикой данного вопроса оправдана.

Заключение

Проведенный анализ степени вовлечения южнороссийских опорных вузов в процессы цифровизации современной экономики позволяет сформулировать выводы о неудовлетворительном в целом уровне подобной вовлеченности этих вузов. Отставание, дефицит либо фактическое отсутствие требуемой технологической базы, педагогических кадров, способных передавать студентам требуемые компетенции, являются здесь ключевой проблемой, которая требует разработки прорывных подходов, в рамках кооперации с другими вузами и научными учреждениями, владеющими необходимым технологическим заделом, технологически передовыми предприятиями. Подобные стратегические управленческие решения требуют, несомненно, масштабного государственного финансирования, обеспечивающего профессиональную переподготовку и кардинальное обновление педагогических кадров, формирование современной технической оснащенности этих вузов, реализацию иных значимых проектных решений в контексте исполнения заявленной стратегии модернизационного развития страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аптекман А., Калабин В., Клинцов В. и др. (2017). Цифровая Россия: новая реальность. Доклад МакКинзи. М.: МакКинзи.

Бондарев М. Г., Защитина Е. К. (2017). Проектирование онлайн-курса: междисциплинарный подход // Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании – 2017. Академический мир в междисциплинарных практиках: материалы Второй ежегодной Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 22–24 июня 2017 г.), Т. 2. Секционные доклады. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, с. 38–48.

Гавриков А. Л., Певзнер М. Н., Петряков П. А. (2018). Российские вузы на пути к институциональному многообразию: стратегия развития регионального опорного университета // *Проблемы современного образования*, № 4, с. 84–101.

Гречко М. В. (2017). Раскрытие императивов развития высшего образования в контексте неоиндустриализации отечественной экономики // Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании – 2017. Академический мир в междисциплинарных практиках: материалы Второй ежегодной Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 22–24 июня 2017 г.), Т. 2. Секционные доклады. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, с. 381–391.

Днепроvская Н. В. (2018). Оценка готовности российского высшего образования к цифровой экономике // *Статистика и экономика*, Т. 15, № 4, с. 16–28. (<http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2018-4-16-28>).

Иродов М. И., Коречков Ю. В. (2018). Высшее образование в цифровой экономике // *Вестник евразийской науки*, Т. 10, № 1.

Ковалёв М. М. (2018). Образование для цифровой экономики // *Digital Transformation*, № 1(2).

Колесникова Е. Ю. (2017). Современный университет: между прагматическими интенциями эпохи и традиционными академическими ценностями // Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании – 2017. Академический мир в междисциплинарных практиках: материалы Второй ежегодной Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 22–24 июня 2017 г.), Т. 2.

Секционные доклады. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, с. 392–401.

Коллини С. (2016). Зачем нужны университеты? М.: ИД ВШИ.

Ле Гранд Д. (2011). Другая невидимая рука: предоставление общественных услуг на основе выбора и конкуренции. М.: Изд-во Института Гайдара.

Маскаев А. И., Савко П. О., Оганесян А. А. (2017). Сравнительный анализ институциональных инноваций в вузах: федеральный vs опорный // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, Т. 8, № 4, с. 68–79. DOI: 10.17835/2078-5429.2017.8.4.067-079.

Родонкова Т. Н., Слепов В. А. (2009). Эффективность финансирования образовательных новаций и ее экспертная оценка в высшей школе. М.: ИНФРА-М.

Саак А. С., Тюшняков В. Н., Пахомов Е. В. (2017). Цифровая экономика как новое направление междисциплинарных исследований // Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании – 2017. Академический мир в междисциплинарных практиках: материалы Второй ежегодной Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 22–24 июня 2017 г.), Т. 2. Секционные доклады. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, с. 305–315.

Тамбовцев В., Рождественская И. (2016). Программно-целевое планирование: вчера, сегодня... Завтра? // *Вопросы экономики*, № 6, с. 77–90.

Цыренова В. Д. (2014). Эволюция понятия «общественное благо» в разных экономических школах // *Вестник Бурятского государственного университета*, № 2, с. 18–21.

Шапталов Б. Н. (2003). Россия в поисках эффективности. М.: Новый век.

Шваб К., Дэвис Н. (2018). Технологии четвертой промышленной революции. М.: Бомбора.

Deem R., Brehony K. J. (2005). Management as ideology: The case of 'new managerialism' in higher education // *Oxford review of education*, 31(2), 217–235.

Thornton M. (2016). Public universities, managerialism and the value of higher education // *Prometheus*, 34(3–4), 257–260.

REFERENCES

Aptekmann, A., Kalabin, V., Klincov, V. (2017). Digital Russia: New Reality. Digital/McKinsey. Moscow. (In Russian).

Bondarev, M., Zashchitina, E. (2017). Online Course Development: Interdisciplinary Approach. Interdisciplinary in the Modern Humanities and Social Sciences – 2017. Academic World in Interdisciplinary Practices: proceedings of the Second Annual All-Russian Scientific Conference (Rostov-on-Don, 22–24 June 2017), 2. Section reports. Southern Federal Universities. Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of Southern Federal University, 38–48. (In Russian).

Collini, S. (2016). What are Universities for? Moscow: Publishing House of Higher School of Economics. (In Russian).

Cyrenova, V. (2014). Evolution of the category «social well-being» in various school of economics. *Journal of Buryatski State University*, 2, 18–21. (In Russian).

Deem, R., Brehony, K. J. (2005). Management as ideology: The case of 'new managerialism' in higher education. *Oxford review of education*, 31(2), 217–235.

Dneprovskaya, N. (2018). Assessment of the readiness of the Russian higher education for the digital economy. *Statistics and Economics*, 15(4), 16–28. (In Russian). (<http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2018-4-16-28>).

Gavrikov, A., Pevsner, M., Petryakov, P. (2018). Russian Universities on the way to Institutional Diversity: the Strategy for the Development of a Regional Flagship University. *Problems of Modern Education*, 4, 84–101. (In Russian).

Grechko, M. (2017). Disclosure of Imperatives of Development of Higher Education in the Context of Neoindustrialization of Domestic Economy. *Interdisciplinary in the Modern Humanities and Social Sciences – 2017. Academic World in Interdisciplinary Practices: proceedings of the Second Annual All-Russian Scientific Conference (Rostov-on-Don, 22–24 June 2017)*, 2. Section reports. Southern Federal Universities. Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of Southern Federal University, 381–391. (In Russian).

Irodov, M., Korechkov, Y. (2018). Higher education in the digital economy. *The Eurasian Scientific Journal*, 10(1). (In Russian).

Kolesnikova, E. (2017). The Modern University: Between Pragmatic Intentions of the Era and Traditional Academic Values. *Interdisciplinary in the Modern Humanities and Social Sciences – 2017. Academic World in Interdisciplinary Practices: proceedings of the Second Annual All-Russian Scientific Conference (Rostov-on-Don, 22–24 June 2017)*, 2. Section reports. Southern Federal Universities. Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of Southern Federal University, 392–401. (In Russian).

Kovalev, M. (2018). Educational for the Digital Economy. *Digital Transformation*, 1(2). (In Russian).

Le Grand, D. (2011). Another invisible hand: The provision of public services based on choice and competition. Moscow: Gaydar Institut Publ.

Maskaev, A., Savko, P., Oganessian, A. (2017). Comparative analysis of institutional innovations in higher education: federal vs flagship. *Journal of Economic Regulation*, 8(4), 68–79. (In Russian). DOI: 10.17835/2078-5429.2017.8.4.067-079.

Rodenkova, T., Slepov, V. (2009). Efficiency of financing of educational innovations and their expert estimations in higher school. Moscow: INFRA-M. (In Russian).

Saak, A., Tyushnyakov, V., Pakhomov, E. (2017). Digital Economy as a New Direction of Interdisciplinary Research. *Interdisciplinary in the Modern Humanities and Social Sciences – 2017. Academic World in Interdisciplinary Practices: proceedings of the Second Annual All-Russian Scientific Conference (Rostov-on-Don, 22–24 June 2017)*, 2. Section reports. Southern Federal Universities. Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of Southern Federal University, 305–315. (In Russian).

Schwab, K., Davis, N. (2018). *Shaping the Fourth Industrial Revolution*. Moscow: Bombora. (In Russian).

Shaptalov, B. (2003). *Russia in the process of seeking efficiency*. Moscow: Novyi Mir. (In Russian).

Tambovcev, V., Rozhdestvenskaya, I. (2016). Program-Targeted Planning: Yesterday, Today... Tomorrow? *Voprosy ekonomiki*, 6, 77–90. (In Russian).

Thornton, M. (2016). Public universities, managerialism and the value of higher education. *Prometheus*, 34(3-4), 257–260.